

1939. США. Фото Марлен Дитрих на американском паспорте

48→

За это он терпел всех ее любовников и любовниц, находя утешение в объятиях Тамми, гувернантки-подруги-домработницы, русской танцовщицы, с которой Марлен подружилась в юности. Правда, Дитрих испортила жизнь обоим, заодно заставляя страдать и маленькую Марию, привязанную к Тамми больше, чем к матери.

Но что такое обыкновенные люди рядом с Великой Дитрих? Мария чуть не до пятнадцати лет ходила в носочках и платьицах с рюшками? Но ведь Дитрих всегда должна оставаться молоденькой мамой очаровательной крошки. Она отдала тринадцатилетнюю дочь в руки опытной лесбиянки? Ну что ж, скорее узнает, что такое жизнь. Мария посмела выйти замуж? «Я не дам ни цента!» — кричала она зятю, заодно наняв адвоката, чтобы выяснить, не альфонс ли он. Первый брак дочери она расстроила — и ездила к ней на квартиру драить полы своими божественными руками. Когда Мария Рива, будучи уже взрослой женщиной и матерью четверых сыновей, ошеломила мир мемуарами о своей матери, Марлен вскоре умерла. От гнева? Разочарования? Стыда? Скорее от досады — дочь посягнула на легенду. И все же образ Великой Дитрих не поблек, несмотря на шокирующие подробности ее семейной и интимной жизни. Потому что в них была правда о великой женщине и профи высочайшего класса.

Галатея с берлинским акцентом

Еще девчонкой она записала в дневнике, который вела всю жизнь: «Счастье всегда приходит к усердным». Усердие, дисциплина и терпение — вот три кита успеха Дитрих. Ее уроки скрипки длились по пять часов в день, она бралась за любую работу, танцевала в кордебалете, пела в ревю, однако звездой ее стали называть только после тринадцати картин, и тогда она наконец попала в Голливуд, где под картотечным номером «P-1167» началась ее мировая слава.

Главный режиссер ее жизни, Джозеф фон Штернберг, о котором Марлен говорила: «Вы Бог, вы! Без вас я ничто!» — утверждал, что она лучше заперется в телефонной будке с перепуганной коброй, чем с Дитрих. Но однажды, подобно Флорберу, он скажет: «Мисс Дитрих — это я, а я — это мисс Дитрих». Правда, когда они встретились впервые, он увидел лишь неуклюжую толстуху, она — бездарного режиссера. Но судьба рассчитала иначе — им суждено было стать новыми Свенгали и Трильби, хотя Марлен больше считала его профессором Хиггинсом. «Некоторые говорят, что он околдовал меня. Это смешно. Вы можете себе представить такого человека, который способен околдовать

«Мало ли что, сказала вдова, надевая кружевные черные трусики» — ее любимая поговорка

меня?» Просто она преклонялась перед ним и на площадке вела себя как служанка, ловила каждое его слово, всегда носила за собой термос с его любимым бульоном и никогда не капризничала. За это он вознес ее на пьедестал и заставил весь мир восхищаться ею.

Их перепалки вошли в историю Голливуда. В выражениях не стеснялись оба: «Ты, свинья!» — орал Штернберг Божественной и мог услышать в ответ что-то совсем уж скабрзное. Он снял ее всего лишь в семи фильмах — и прославил на целый век. Единственный из всех, о котором она говорила: «Мужчина, которому я больше всего хотела угодить».

Она была упитанной девицей, обожавшей яичный суп и пирожки — он велел ей похудеть, и с тех пор английская соль в горячей воде (стаканом!), сигареты и кофе стали ее повседневной диетой. Он нашел свет, сделавший ее потрясающей облик совершенным и научил разбираться в световых нюансах, принесших мировую славу ее неповторимому лицу.

Однажды на съемках ей пришлось раз за разом обесцвечивать рыбку голову — после очередной серии дублей она просто совала пальцы в рот, чтобы освободить желудок для следующей серии. Ее партнер был в шоке, а для нее это была просто работа. Реальная Марлен была блистательной и вносила блеск в каждую роль — замызанной цыганки или величественной императрицы.

Она знала силу детали и даже если ворчала по поводу туфель, которых не видно в кадре, не ленилась придумывать их фасоны и примерять часами. Перчатки ей делала по слепку рук, а туфли — только по индивидуальной мерке. Она могла перебрать сто вуалей, чтобы свет идеально лег на ее щеки и нос, умело пользовалась жестом и

СТИЛЬ

style@izvestia.ru

31

Пятница
21 Января 2005

хлопала в ладоши: «Как я его люблю! Потрясающий мужчина!»

Когда смерть застигла любовника прямо в ее объятиях, Дитрих мгновенно собрала свои вещи в наволочку и улизнула — случайная интрига не должна разрушить ее легенду. Разумеется, сначала вызвав врача — она всегда была хорошим товарищем.

Пластырь и блеск

Еще в юности она поражала товарок изысканными чулками и великолепными туфлями на высоченных каблучках, достать которые в послевоенном Берлине было не так-то просто. Уже тогда в семь утра она могла появиться в боа, с моноклем и в мехах рыжей лисицы — в ее стремление диктовать моду не вписывались время и чужие достижения.

Задолго до пластических хирургов она собственноручно делала подтяжку лица при помощи пластыря. Все мужчины, включая недоброжелательных партнеров, вспоминали ее потрясающий бюст. Которого у нее не стало сразу после рождения дочери — обычная вещь. Но только не для Марлен: ее

Первое средство для создания легенды Марлен Дитрих — дисциплина.

дочь описывает десятки ночных рубашек, искусно воспроизводящих восхитительные округлости, — разумеется, они предназначались только для любовных свиданий. Днем в дело шла клейкая лента, с которой грудь выглядела соблазнительно без всякого бюстгалтера. На сцене даже под самыми невесомыми платьями находилось место для плотной целлюлоидной грации, очерчивающей потрясающую фигуру. Этот шедевр, «голое платье» от Жана Луи, создавало впечатление, что блески нашиты прямо на кожу! На самом деле платье было три, одно из которых, переливчатое, из черного стекла, она окрестила «утрем». Дитрих умело преподносила их, приказав поставить вентилятор на рампе, он заставлял трепетать тонкую ткань на последних ступенях длинной лестницы, с которой она величественно спускалась, небрежно волоча трехметровый шлейф, на который пошел пух двух тысяч лебедей.

Ее примерки длились по 8–10 часов, на протяжении которых она стояла неподвижно, лишь меняя в мундштуке сигареты, и отрывисто командовала, куда передвинуть блеск. «Дитрих была и кошмаром, и праздником», — вспоминали ее портные и стилисты.

Она обожала бросать вызов — в Париже она шокировала публику брюками, и полиция ходила за ней по пятам, грозясь выдворить из страны.

Цветы любовникам и врунам

По словам Андре Мальро, звезда — это минимум драматического таланта, но лицо, которое символизирует и воплощает в себе массовый инстинкт. Миллионы женщин видели в ней идеал, стремясь приблизиться к нему всеми доступными способами. Брюнетки безжалостно выправляли волосы пергидролем, прическу «Марлен» знала каждая парикмахерша в СССР, а Любовь Орлова по примеру Дитрих с шпиком щеголяла в широчайших брюках. До сих пор платья, шляпки, вуали, перчатки и туфли Дитрих неизменно являются самыми дорогими лотами престижных международных аукционов.

Хичкок, у которого она снялась лишь однажды, считал, что «она профессиональная актриса, профессиональный оператор и профессиональный модельер» — Дитрих знала все о линзах, софитах, была своей в монтажной и реквизитной. Лучшее доказательство ее умения подать себя — блестящий документальный фильм Максимилиана Шелла о Марлен, в котором нет ни одного современного кадра постаревшей Марлен, одна кинохроника. Однако киноакадемики упорно не признавали Дитрих актрисой: снявшись в 52 фильмах, она ни разу не удостоилась «Оскара». Подумаешь! За нее сработала легенда: когда ее попросили вручить золотую статуэтку, она расспросила портных, кто в чем будет одет, и сразила всех наповал. Среди модных оборотов и кисей она явилась в строго обтянутом платье, как наконечник стрелы. Она продумала все — откуда и какой походкой выйти, какой разрез сделать, чтобы ее знаменитые ноги смотрелись в самом выгодном ракурсе. Результат: она стала воплощением «Оскара», не имея его!

Блистательная и недоступная на публике, она была очень земная, иногда неспристойная, и ей никогда не изменяло чувство юмора. «Мало ли что, сказала вдова, надевая кружевные черные трусики» — это была ее любимая поговорка. Прикованная к постели, она годами совершенствовала сценарий собственных похорон с трогательными деталями: красную гвоздику тем, кто спал с ней, белую, кто врал об этом, — две армии имени одной Марлен. По-немецки Дитрих значит «отмычка» — даже в загробный мир она хотела войти со своим собственным ключом.

Клонировать Марлен

неизменно создавала шедевры, играя подтекст, намек, недосказанность.

Самым соблазнительным и будоражащим оружием Дитрих был ее знаменитый голос. Это уж потом Кокто напишет о ней: «Марлен Дитрих... Твое имя поначалу звучит как ласка, но затем в нем слышится шелканье кнута!»

Ее голос мог быть нежным, как колыбельная, хриплым, как стон гантеры, или резким, как удар хлыста. Хемингуэй сказал, что, обладая Дитрих лишь голосом, она все равно разбила бы вам сердце. Его силу Марлен оценила еще в юности: когда, отбросив комплексы, нахально заявила в оборотную к знаменитой берлинской актрисе Розе Валетти — и ее жизнь певицы началась. А заодно и жизнь секс-символа XX века.

«В ней есть секс, но нет пола»

Эта фраза, сказанная одним из поклонников Дитрих, объясняет ее притяжение. В конце 1920-х звезда Берлина Клер Валдофф, знаменитая звезда и лесбиянка, ввела Дитрих в загадочный мир бисексуалов и научила нагло-упрямой манере держаться на публике. Так формировалось непостижимое обаяние Марлен, благодаря которому она смогла завораживать публику, не обладая сколько-нибудь значительными данными.

Притягательный эротизм и аура двусмысленности, тайны всегда были умело выстроены, потому что на самом деле ей нравилось лишь обожание, поклонение, а секс всегда был делом десятым.

Она обожала Ремарка, потому что он сразу очаровал ее трудным для него и восхитительным для нее признанием: «Я — импотент!» «Я была так счастлива!» — вспоминала Марлен. — Значит, мы можем просто разговаривать, спать, любить друг друга, и все будет так мило и уютно».

Фэрбенкс заказал статую обожанной Марлен в бронзе и подарил ей, оставив себе лишь гипсовую копию. Она была без предвзвешенности: могла снять трубку прямо в постели, чтобы он тоже мог послушать излияния ее очередного поклонника!

Ей нравилось коллекционировать их: однажды, будучи уже бабушкой, она торжественно сунула обалдевшему зятю под нос свои розовые трусики со словами: «Ты чувствуешь запах? Он был великолепен, этот Президент Соединенных Штатов!»

Во время романа с Юлом Бриннером ее дневник четко фиксировал каждое свидание, она страшно ревновала его к Ингрид Бергман, преследовала бесцельными звонками и телеграммами — и одновременно умудрялась поспевать на свидание с очередным счастливым, завоевавшим ее расположение. Она не любила огорчать прежних любовников и часто предоставляла им в кратковременное пользование то, чем некогда они владели безраздельно: «Они такие милые, когда просят... А потом ужасно счастливы. Вот и нельзя отказать».

Она играла любовь и после каждого из бесчисленных романов оставалась одинокой, потому что никогда не бывала довольна тем, что имела, постоянно оглядываясь по сторонам: а кто там еще дожидается очереди? Она наивно полагала, что ни один мужчина не влюбится в нее, если она сама

этого не захочет, и умело провоцировала интерес к своей тайне. Однако умела идти напролом: в Голливуде она часами колесила на «Роллс-Ройсе» (подарок Штернберга) в поисках молоденькой балерины Веры Зориной, которая, впрочем, умела давать отпор ее приставаниям.

Габен — совсем другое дело. Подозрительный, упрямый ревнивец Жан попросту бил ее и действительно соответствовал образу крутого парня. Для него все вокруг были либо ее потенциальными, либо недавними любовниками. Двадцать лет он настаивал на браке и детей — это ее-то подчинить?! Но, кажется, она по-настоящему любила его: достаточно вспомнить, как она металась среди танков, выкрикивая «Жан! Жан!», чтобы услышать в ответ: «Какого черта ты тут делаешь?» — «Я хочу тебя поцеловать!» Когда он женился, она почернела от горя, а когда умер, называла себя вдовой.

В Синатре она ценила нежность и... ненависть к папарацци. Услышав, что он изуродовал лицо несчастного репортера, она

1932. Берлин. Афиша фильма «Белокурой Венера» (фото сверху)

1940. Голливуд. Марлен Дитрих позирует в платье из золотого лама и шелковой тафты